
Иван КАТКОВ

ДАЧНЫЙ СЕЗОН

Повесть

На улице шумели дети. Крикливые старушки, развесив ковры на турниках, отчаянно колотили выбивалками. Небольшой уютный дворик трусливо вздрагивал от разнокалиберных выстрелов старушечьего батальона.

Илья Кузьмин поправил лямку рюкзака и вытянул из кармана мобильный. До электрички оставалось полчаса.

Коротко звякнул колокольчик, Илья вошел в мини-маркет.

— «Балтику», тройку, будьте любезны.

Молоденькая продавщица в несвежем фартуке взяла деньги и выставила на прилавок пиво.

— Из холодильника можно? — спросил Илья, интимно коснувшись бутылки.

— Они там еще теплее, — пролаяла девица, — у нас холодильники сломанные! Умные все, я валяюсь...

Первый день отпуска. На две недели можно забыть о книжном магазине, которому Илья отдал пять лет жизни. Послать к чертям менеджера с его фетишем нюхать пахнущие типографской краской страницы, а заодно и близорукого напарника, всерьез планирующего ограбление инкассатора. Выбраться из трясины городского безумия и отправиться на дачу.

В полупустом вагоне Илья занял место у окна и раскрыл недочитанный «Почтамт» Буковски. Справа ехали студенты. Они гулко переговаривались, заглядывая друг другу в конспекты.

Юноша с матерчатой сумкой-портупеей усердно кромсал огрызок стекла, презентуя пассажирам «стеклорез нового поколения».

— Это революционно новая модель, — успел трижды повторить он.

Лысоватый мужчина, подперев мясистый подбородок ладонью, самозабвенно слушал и часто кивал. В следующее мгновение он уже прятал «революционную модель» в карман, а довольный продавец спешно скрылся в другом вагоне.

Безжизненный голос объявил станцию. Вошли две пожилые дачницы. Уселись рядом с выходом. Задвинули в угол мотыги и грабли. Картонные коробки с драгоценной рассадой бережно усадили на колени.

Электричка набирала скорость. Быстрые лучи солнца загуляли по окнам.

Здоровенный парень, двигаясь по узкому проходу, остановился около Кузьмина.

Иван Олегович Катков родился в 1986 году в Казахстане. Учился в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского на филологическом факультете. Публиковался в журналах «Нева» (Санкт-Петербург), «Слово/Word» (Нью-Йорк), «Вокзал» (Санкт-Петербург), «Урал» (Екатеринбург), «Белый ворон» (Екатеринбург), «Гостиная» (Филадельфия, США), «Идель» (Казань), «Наше поколение» (Кишинев), «Петровский мост» (Липецк), «День литературы» (Москва), «Нижний Новгород», «Земляки» (Нижний Новгород) и др. Автор книжки рассказов «Еще один день» (2017). Живет в городе Дзержинске Нижегородской области.

— Извиняюсь, — пробасил детина.

Задев колено Ильи, толстяк рухнул напротив. Отчаянно пахнуло костром и застарелым потом.

Машинально отряхнув штанину, Илья вновь уткнулся в книгу.

— Ну привет, Кузь, — неожиданно буркнул попутчик, — сигаретами не богат?

Илья поднял глаза. Длинные сальные волосы лежали на плечах потертой джинсовой куртки. Майка «Гражданская оборона» с оттянутой горловиной. Во всклокоченной рыжей бородке путались хлебные крошки. Серое от грязи лицо было усеяно мелкими царапинами.

— Не узнаешь? — негромко спросил он, подавшись вперед, словно секретный агент, встретивший своего связного.

— Шуня? — нахмурил брови Илья. — Ты?

— Ага, собственной персоной. Ну так как насчет сигарет?

С Шуней они познакомились на «ассамблее», в народе — «аська». Площадка с фонтаном у кинотеатра «Юпитер», одна из достопримечательностей Нижнего Новгорода. Место тусовки неформалов. В то время Илья учился в пединституте и, прогуливая пары, часто навещался к фонтану. Пил пиво и болтал с соратниками по рок-движу.

Шуня запомнился добрым малым, рубахой-парнем, но абсолютно без башки. Настоящий панк. Быстрее всех напивался, чаще других его принимали менты. С лицами он общался фамильярно: «Витек, Димон, народ отдыхает, кончай бузить! Кончай бузить, оборотни в погонах!» Его грузили в «бобик» и за наглость колотили дубинками. До отдела толстяка не довозили, выбрасывали в одном из дворов.

Однажды, раздевшись догола, Шуня взобрался на фонарный столб. Обвив его ногами и двигая розовым, точно у молодого пороса, задом, он имитировал половой акт.

Несколько раз герой «ассамблеи» лежал в «дурке». Сначала косил от армии, потом его лечили от белой горячки (вообразив себя Тарзаном, на бельевой веревке пытался преодолеть расстояние до соседнего балкона), а после закрыли на три месяца за попытку суицида. По пьяни он исполосовал себе руки украденным из строймаркета полотном от ножовки.

Шуню Кузьмин не видел больше трех лет, с тех пор как окончил институт. Одни говорили, что он женился на медсестре психдиспансера, другие — постригся в монахи. И в то и в другое верилось слабо.

Илья выудил из рюкзака пачку сигарет. Шуня уже поджидал его в пропахшем жженой резиной тамбуре, придерживая дверь ботинком.

— Куда едешь-то? — жадно затаившись, на выдохе спросил он.

— В отпуск, на фазенду к себе, — отозвался Кузьмин. — А ты?

— Куда глаза глядят. Только бы подальше.

Вагон трянуло. Балансируя, словно калифорнийский серфер, Шуня едва удержался на ногах.

— Слушай, старый, — немного помолчав, сказал он, — может, накатим за встречу? Расскажешь что да как. Две тыщи лет же не виделись...

Это совсем не входило в планы Ильи, но он согласился. В который раз Кузьмин обругал свою проклятую интеллигентскую уступчивость. Илья отвел глаза к надписи на мутном стекле: «Не прислоняться!». Мечты о спокойном отдыхе исчезали, как заброшенные, одинокие станции за окном.

— Тебе где выходить? — Шуня вдавил окурок в красную мишень на коробочке стоп-крана.

— В Чулкове, — ответил Кузьмин.

— Тогда пузырек возьмем — и в лес, партизанить? — предложил попутчик.

— Ты лучше Расскажи, как живешь, партизан.

— Да по-всякому живу, — отмахнулся Шуня.

Вернулись на свои места. Кузьмин открыл пиво, приложился к горлышку и передал другу. Вмиг разделавшись с бутылкой, Шуня убрал тару под скамью.

Бабули-дачницы синхронно покачали головами и брезгливо отвернулись.

Дверь с шумом откатилась. По салону промаршировали двое парней в синей униформе. Шуня резко опустил голову на колени и притворился спящим. Его волосы свесились почти до пола.

— Ушли? — через минуту спросил он, не меняя положения.

— Да ушли, ушли, вставай уже, — усмехнулся Кузьмин.

— Уф, — поднялся Шуня, выплюнув прядь волос.

— Ты чего перестремал, а? Не контроль же, а поездная бригада...

— Я думал, мусора.

— И с каких это пор ты от них гасишься?

— Береженого Бог бережет, — сказал Шуня, осторожно поглядывая вслед ушедшим железнодорожникам.

Ребята шагнули из электрички. Было солнечно, но прохладно. Колючие ветви деревьев цеплялись за высокое ограждение платформы. От свежего, загородного воздуха кружилась голова.

На прощание фыркнув, электропоезд тронулся.

— Ну что, есть тут лабаз где-нибудь поблизости? — осматриваясь, спросил Шуня.

— Ну а как же, в центре, — Илья повесил на плечо рюкзак, — в десяти минутах отсюда.

— Там вообще как? Тихо?

Кузьмин с удивлением посмотрел на приятеля, но промолчал.

Вышли со станции и двинулись по запыленному проселку в сторону деревни.

Аборигены настороженно осматривали приезжих, побросав свои садово-огородные дела. Кузьмин успевал здороваться с каждым из местных жителей. Кое-кто кивал в ответ.

Около магазина с бледной, едва различимой вывеской «Сельмаг» был оставлен мотоцикл с коляской. Вокруг него кружилась чумазая ребятня. «Дети республики ШКИД», — пошутил Илья.

— Какой динозавр, — сказал Шуня, кивнув на объект любопытства мелюзги, — «Ижак пятый». У моего бати такой же был. Когда-то.

Зайти в сельмаг Шуня наотрез отказался. Когда Илья закупал все необходимое, приятель отсиживался на бетонном приступке у служебного входа. Рядом ворковали голуби. От скуки Шуня метал в них камешки, целясь в подрагивающие, суетливые головы.

Сели на поляне в лесу. По крохотному, заросшему осокой и камышом озерцу скользили флегматичные утки.

Кузьмин достал из пакета водку, закуску, упаковку пластиковой посуды. Все это разложил на расстеленной на траве ветровке. Словно киношный отец Федор из «Двенадцати стульев», Шуня вцепился зубами в рожок краковской колбасы.

— Второй день толком ничего не жрал, — зачавкал толстяк, сидя на корточках.

— Бомжевал, что ли? — Илья налил по вступительной и сорвал фольгу с плавленого сырка.

— Че сразу «бомжевал-то»? — обиделся Шуня.

— Да видок у тебя своеобразный. Тут два варианта: либо ты с «Нашествия», а до него еще больше месяца, либо ты бомж.

- Ты, слышь!
- Ладно, держи стакан. Без обид.

Кузьмин проснулся. Из кухни доносился запах дыма. Затопив печь, бабушка Илья возилась с закоптившимися чугунками. Зевая, Кузьмин потянулся в кровати. С похмелья шумело в голове и страшно пересохло во рту, но подниматься с нагретой перины совсем не хотелось.

В по-деревенски тщательно прибранной комнате было светло и уютно. На открытом окне шевелились занавески в цветочек. Почтенного возраста телевизор на комодке был покрыт кружевной вязаной салфеткой. Со стен смотрели пожелтевшие фотографии военных лет в строгих, пролаченных рамках. Ниже располагалось детское фото Ильи. В оранжевой бейсболке набор, он жмурится от солнца, оседлав новенькую, еще в заводской пленке «Каму». Складной велосипед с ручным тормозом (на зависть местным пацанам) ему только что подарили на день рождения.

Нетвердым шагом Илья добрался до кухни. Зачерпнув ковшом из алюминиевого бачка, он вволю напился холодной воды.

— Что, пить хочца после алкоголя-то? — съязвила бабушка, подцепив ухватом чугунок из печи.

Старушка была маленького роста. Отнюдь не исполину Илье она едва ли дотягивала до плеча. Строгий взгляд, не менее строгий нрав. Всегда ухоженная и опрятная. Пепельно-седые волосы старательно забраны в пучок, карамельного цвета бусы... На фоне односельчанок в застиранных сарафанах, галошах на босу ногу и бесформенных мужских пиджаках Кузьмина выглядела аристократкой.

— Да, баб Люд, что-то перебрали мы вчера, — выдохнув, утер губы внук, — ты уж нас извини.

— Извини, — передразнила Людмила Сергеевна, — пойди к столу, завтракай там. И черта своего грязного буди, я ему в чулане постелила.

Бабушка сняла с полки крынку молока и разлила по бокалам. В печи потрескивали березовые поленья.

— Чьих он хоть будет-то?

— Да знакомый, ба. Учились вместе, — соврал Илья.

— Учились они. Вино лопать вы учились...

Поплескав на лицо из умывальника, Кузьмин вытерся свежим полотенцем.

За столом Шуня чувствовал себя неуютно. Не отличавшаяся тактичностью Людмила Сергеевна сидела напротив гостя и внимательно его изучала.

— Как зовут? — требовательно спросила она.

Шуня покраснел и едва не подавился гренкой.

— Саша, — еще больше заливаясь краской, ответил толстяк, — Александр.

— И надолго вы к нам, Александр? — с издевкой поинтересовалась бабушка.

Шуня что-то промямлил и беспомощно глянул на Илью.

— Ба, ну че ты к человеку пристала? — заступился Кузьмин. — Дай поесть спокойно.

— Да ешьте, что я вам, — поднялась Людмила Сергеевна, — только учтите, шамберничать я вам не дам, на огороде вон полно работы.

— Ну это само собой, бабуль. Мы только на реку сгоняем, а после обеда поможем. Да, Санек? — Кузьмин хлопнул его по плечу.

Позавтракав, друзья направились к сараю за рыболовными снастями. И пока Илья занимался с удочкой, равнодушный к рыбалке Шуня отыскал в куче хлама потрепанную книгу. Сдув с нее пыль, он присел на верстак. Книга оказалась сборником албанской прозы.

— Кичо Блюши «Зонтик», Зийя Челя «Башмаки мертвеца», Бетим Мучо «Дом у моря», — посмеивался он, перелистывая серые, волнистые от сырости страницы.

— Ну все, готово, — сообщил Илья.

Выходя из сарая, толстяк звонко ударился головой о ржавую корабельную рынду, висевшую на крюке сверху. В сердцах матюгнувшись, он почесал репу.

— Е..., чего только у вас здесь нет.

Накопав в огороде червей, они зашагали узкой, крутой тропинкой к Ярилиной горе. Шуня ныл, как дитя, обжигая крапивой руки.

— Зря воды не взяли, — тяжело дышал он, — сушит — край.

— Спустимся, там родник будет, — успокоил Кузьмин.

С высоты горы, нареченной славянским богом солнца и весны, открывался живописный вид на реку Оку. Илья провел в этих местах все свое детство. Он помнил ветхий, с облупившейся краской дебаркадер, бородатого начальника пристани, похожего на пирата из романа Стивенсона. Мчащиеся под сотню километров «ракеты» и «метеоры». Здорово было понырять с берега в пенистые волны, вздымаемые едва ли не со дна мощными двигателями. Детскому восторгу не было предела, когда они с ребятами издали замечали этих речных хищников. Тут же вскакивали с горячего песка и устремлялись в воду — дожидаться бушующих, накатывающих друг на дружку волн.

Илья чутко следил за поплавком, свободной рукой отгоняя назойливую мошкарку. Закатав штаны, Шуня пробовал еще не успевшую прогреться воду.

— А, хрен с ним! — махнул рукой он, сбросил с себя одежду и, разбежавшись, плюхнулся в воду. Раздался хлесткий шлепок. Шуня упал «на плаху».

— Урррод, — вскричал Кузьмин, — всю рыбу распугаешь, тюлень!

Хрюкая, Шуня выбежал из реки. Похлопал по отвисшему брюху и натянул майку.

— Окунись, Кузь, похмелье как рукой снимет.

— Отвали, — огрызнулся Илья, проверил на крючке червя и забросил вновь.

Поодаль, у рыбацких домиков, с шоколадным загаром мужик спускал на воду лодку.

Поскрипывая веслами, он проплыл мимо ребят. Надменно глянув на них, рыбак взял курс на подпуска с пенопластовыми буями, которые маячили вдалеке. На борту лодки, заметил Шуня, белой краской было выведено: «Титаник».

— Видал мужичка? — спросил Кузьмин, со свистом размахнувшись удилицем.

— Ну.

— Бароном кличут. С нами по соседству живет. Поехавший дядька, напрочь. Прикинь, считает, что все люди — клоны. Что правительство в семьдесят втором году, в год его рождения, заменило всех людей на клонов. А его, видите ли, не поменяли. Чуть ли не каждый день он строчит в администрацию заявления с требованием признать его человеком Настоящим и, до кучи, монархом всяя Руси.

— Нормально, че, — усмехнулся Шуня, — я, когда в Ляхово лежал, и не таких видел. Кстати, а разгуливает он почему? Клиника же...

— Забыл, в какой стране ты живешь? Да у нас половину депутатов можно по желтым домам расселить или по тюрьмам, а они тем не менее все «разгуливают»... Всем на все плевать, Сань. Не замочил пока никого — и то хорошо. Хотя он вроде безобидный.

— Ну а «Барон»-то почему?

— Да черт его знает, вроде как из цыган, говорят.

«Титаник» покачивался на волнах. Мелодично напевая, будущий монарх проверял подпуска.

Утопая по щиколотки в песке, к берегу спускались две фигуры. Худой, длинный, как рельс, Суслик и Диман Жирков, или попросту Жирик, плотный, круглолицый, сплошь усеянный веснушками. На обоих были закатанные до колен спортивные, связанные шнурками кроссовки болтались на шеях.

Местные гопники. В свободное от пьянок время промышляли сдачей цветного металла и другой не вполне законной халтурой. Шуня напрягся. Принялся судорожно искать штаны, представляя, как нелепо будет смотреться в растянутых семейниках со Спанч Бобом, случись драка.

— Кузьма, — весело крикнул Жирик, — ё-мое, ты, шо ль?! Когда приехал-то?

Предвкушая скорую выпивку, Шуня потер ладони.

Встретиться договорились вечером.

Жирик спер у отчима литр самогонки, Суслик насшибал в огороде незрелых яблочек на закуску.

Выпивали по традиции на Ярилиной горе.

— А ты че, типа рокер, да? — поплеывал семечной шелухой Жирков. — Не, ты ниче не подумай там, я без наездов. Так, интересуюсь.

— Не, я типа дзен-буддист, — ответил Шуня, — слышал о таких?

— Да че-то слышал, — пробурчал Жирик, шумно сморкнувшись в сторону. — Все равно, замороченные вы все какие-то...

— Ну а вы не замороченные.

— Неа, у нас просто все.

— Ну да. Украл, выпил — в тюрьму.

— Да че уж так-то? — шмыгнул носом гопник. — Просто не беспределить, пацанов не ссучивать, крысой не быть, мать уважать. Короче, все по совести, быть правильным пацаном.

— Усек, Шунь? — вмешался Кузьмин, до хруста разминая яблоко в кулаке, — кодекс чулковских самураев.

Тронув Кузю за рукав, Суслик отвел его в сторону. Воровато оглянувшись, он совершил странный футбольный выпад, так, что правая голень оказалась на уровне его лица. И быстро вытащил небольшой перочинный ножик, спрятанный в дырявом носке.

— Во, видал?! — азартно выкрикнул он, топчась на месте, точно приспичило по малой нужде.

— Это все? — спросил Илья.

— Оп! Оп! Оп! — подскакивая, фехтовал Суслик. — Круто? Нравится?

— Да угомонись ты уже. Д'Артаньян недоделанный, — рассмеялся Кузьмин.

— Зря щемись, — помрачнел Суслик, — дело серьезное. За себя и за братву постоять надо уметь. Понял?

Он опустился на колено и спрятал нож в кожаный чехольчик на щиколотке.

— Между прочим, сам сделал, — похвастался он, поправляя носок.

— Пойдем лучше, выпьем, — улыбнулся Кузьмин, — а то там наши дзен-буддисты уже совсем заскучали.

Стал накрапывать дождик. Жирков предложил пойти в центр и продолжить банкет под навесом автобусной остановки. Шуня запротестовал. Недолго посоветовавшись, решили отправиться в баню к Кузьмину.

— А что, — сказал Жирик, — у нас Залипуга, помнишь, Кузь, такого? С майских в бане живет, и ничего. Его маманька выгнала. Он как набухается — она его в баню. А то жаловалась: он бухой по ночам дома музыку врубал и на двор ходил, отрабатывать удары на свиньях. Говорил, у них, мол, кожа толстая, им все равно, хоть кувалдой долби. А визг поросятчий на весь поселок стоял.

— О, господи, — вздохнул Кузьмин.

По дороге взяли еще два флакона мутного пойла.

Заметив из окна компанию, Монарх вышел на крыльцо. Облокотившись на перила, он стал снимать их на телефон. При этом что-то бормоча и хитро посмеиваясь.

— Здорова, Барон, — крикнул Жирик, — есть че пожрать?

Монарх воинственно поднял кулак над головой. На запястье звякнули массивные командирские часы.

— Парни, давайте потише, — волновался Илья, — как бы бабушка не запалила. Вон у нее еще свет в окнах.

К бане пробрались бесшумно, как диверсанты. Электричество подведено не было, поэтому пришлось повозиться с керосиновой лампой. Немного покоптив, она наконец разгорелась, освещая приземистую баньку тусклым светом.

Шуня устроился на верхней скамье. Выпивая стопку, он моментально занюхивал чуть подсохшим березовым веником. При этом неизменно повторяя: «Каааайф».

Курили прямо в парной, не выходя в предбанник. По бугристым деревянным половицам катались яблоки.

— Пацаны, а может, в клуб? — предложил Жирик, стряхивая пепел в эмалированный тазик. — А то сидим тут как лохи какие-то. Даже стремно.

— Да не, — поморщился Суслик.

— Да пойдем сходим, — согласился Илья, — хоть кости поразомнем.

— Нет, мужики, я пас, — сказал Шуня.

— Че так? — спросил Жирик, прищурившись.

— Мне рожу свою светить ни к чему.

— Ой, да ладно! Че, в розыске, что ли? У нас здесь ментов нет. Участковый один, да и тот синяк, появляется раз в год, дай бог.

— Идем, — все же поддался на провокации Шуня.

Допивая на ходу остатки «самопляса», медленным шагом, робким зигзагом прибыли к чулковскому клубу.

— Вэлкам ту зе найт клуб «Чулкаго-сити», — издевался Кузьмин.

Дверь в клуб была распахнута настежь. «Ну, где же ручки?! Ну, где же ваши ручки?!» — нещадно дребезжали колонки, исторгая хит незабвенных «нулевых». В унисон раздавались девичье бляенье и гадкий мужской хохот. Шайка местных угрюмо восседала на корточках у входа. Пластиковые бутылки с разведенным спиртом и ядовито-розовым лимонадом «Барбарис» ходили по кругу.

Неподалеку, ревя моторами, крутили «финты» двое мотоциклистов. На асфальте оставались черные круги от стертых покрышек.

— Чудное место, — сказал Шуня, косясь на гопоту, — ностальгическое.

— Раньше здесь бабули лбами об пол стучали, — сказал Жирик, — а теперь вот — культурное место.

— В смысле? — не понял Шуня.

— Да церковь это была до революции, — подсказал Кузьмин, прикурив сигарету. — Тут даже легенда своя есть. Когда большевики церковь громили, они иконы прямо на улицу выбрасывали. И на этих иконах станцевала местная комсомолка. Поранила ногу о раму и вскоре отшумела от заражения крови. Вроде как провидение Господне. Не знаю, слухи ли...

— Нельзя, — вдруг побледнел Шуня, — нельзя туда. Грех!

— Так это ж когда было-то, — сказал Суслик.

— Неважно. Все равно — грех, — у толстяка задрожали губы.

— Да-а-а, — осклабился Жирков, — все понятно с тобой.

— Да пошел ты!

Входя в клуб, Шуня трижды перекрестился. Гопники у входа заржали.

Жирик подбежал к ним и угодливо пожал руку каждому.

— Это «черемухинские», — вернувшись, объяснил Жирик, — лучше подальше от них держись. Целее будешь. Был бы без нас — уже бы ушатали. Они чужаков не любят. Тем более таких, как ты, — волосатых.

Внутри было душно. Длинные скамьи вытянулись вдоль стен, милицейская мигалка заменяла светомузыку, из публики — десятка два плохо одетого молодняка. Кто-то понуро сидел на скамейках, а кто-то дергался под музыку на проваливающихся деревянных половицах. Диджей за ободранной школьной партой в углу пялился в старенький мерцающий монитор.

Ближе к полуночи народу прибавилось. В клуб ввалилась громкая пьяная компания. Парень в военной форме с аксельбантом и заломленной на затылок фуражке вышел в центр и выставил два полных, плещущихся через край ведра. В одном оказался самогон, в другом вода. Крашенная блондинка в джинсовой юбке достала из целлофанового мешка банный ковшник. Диджей убавил музыку и торжественно объявил:

— Поздравляем с прибытием из армейки нашего друга Леву Харитонов! Левыч, эта песня для тебя!

— Спасибо, брата-а-ан! — заорал Харитонов и потряс над головой сцепленными в замок руками. Потом грубо схватил блондинку ниже поясницы. Девушка театрально вскрикнула, он поцеловал ее в засос.

Заиграла «Демобилизация» «Сектора Газа». Танцующая молодежь стянулась в круг. По одному подходили к ведрам и выпивали из ковша за здоровье Левыча.

Пока друзья тусовались, Шуня устроился на скамье, свесив голову вниз. Его могучие плечи дергались, он рыдал.

— Перебрал мальчика паренек, — сказал Жирков, останавливая Кузю, — с кем не бывает. Не трогай его.

В два часа ночи клуб закрылся. Пьяный шалман вывалился на улицу. Кого-то стошнило на угол здания. Две малолетние валькирии, не поделив парня, матерясь, вцепились друг дружке в волосы. Подруги валькирий, ярко накрашенные, выглядящие старше своего возраста, прокуренными голосами вопили:

— Ключева, вломи ты этой шлюхе, она на Борьку сама залезла. Все видали!

Кузьмин и сотоварищи нетвердо шли по центральной улице в сторону дома. На остановке были слышны голоса.

— Эй, пацаны, тормозните, — донеслось из темноты.

— Шаминь, — в ужасе произнес Суслик и рванул чьим-то огородом, лихо перемахнув через высокую изгородь. Звякая цепью, на него залаял сторожевой пес.

— Д'Артаньян, куда же ты? — прокричал вслед Кузю.

— Ну все, встряли, — обреченно вздохнул Жирик, — черемухинцы.

Одинокий уличный фонарь осветил их атамана. Он был сухопарый, высокий, с хищным скуластым лицом азиатского завоевателя.

— Курить есть че? — с акцентом спросил Шаминь.

Из-за его спины выплыло еще человек пять.

— Какие-то проблемы, ребята? — Кузьмин угостил его синим «Бондом».

— У нас нет. А у вас? — Атаман усмехнулся, достал свою пачку и втиснул в нее протянутую сигарету.

— Стреляешь зачем? — с вызовом спросил Кузя. — У самого вон полпачки.

— Че-е-е? — сплюнул Шаминь.

— Пацаны, пацаны, — заскулил Жирик, — разойдемся с миром. Мы своей дорогой, вы — своей.

Самый мелкий из черемухинцев ударил Кузьмина снизу, апперкотом в челюсть. Голова Ильи запрокинулась, он прикусил язык, отшатнулся, едва устояв на ногах. На Шуню набросились сразу трое. Двоих он стряхнул с себя, как щенят, а третий повис у него на шее. Толстяк крутанулся волчком, гопник повалился на асфальт и зарорал благим матом. Шаминь, не вынимая сигареты изо рта, отвесил Жирику несколько горячих пощечин. Тот стерпел унизительные побои молча.

— Эй, стоп! — вдруг крикнул кто-то.

Мелькнул белый аксельбант.

— Шама, осади, — слегка покачиваясь, проговорил дембель, — харэ шакалить.

— В чужой базар не лезь, — прошипел Шаминь.

— А то че? — дембель широко расставил ноги и скрестил руки на груди.

У него тоже была своя бригада. Крепкие парни в спортивных костюмах.

Шаминь выстрелил окурком в сторону и, уходя, процедил:

— Еще ответишь. Пошли, пацаны.

Остальные уныло побрели за своим атаманом. Отступали они в свой район — Черемушки.

— Чурка, — злобно цыкнул дембель. — Пойдемте, парни, бухнем, — развернувшись, обратился он к ребятам.

— Нет, спасибо, — шепелявя, сплюнул кровью Илья, — как-нибудь в другой раз.

— Ты че, — толкнул его в бок краснощекий Жирик, — так нельзя, не по-пацански.

— Пойдемте, не ломайтесь, — со смехом сказал один из бригады, — там по полведра еще осталось.

Расселись на остановке. Ковшик бережно передавали по кругу, как священный Грааль.

— Вы пацаны нормальные, — отхлебнув, сказал дембель, — а чурок этих не стремитесь, они ничего вам не сделают, это черти. Я отвечаю.

Потом Шуне всучили гитару и сказали:

— Играй!

Брякая по струнам, он коряво исполнил хоровую «Все идет по плану». Дембель до боли сжал ему руку и похлопал по плечу, словно они были закадычными корешами.

Едва волоча ноги, Шуня и Кузьмин возвращались домой. Только-только показался оранжевый восход. Где-то вдали гудел поезд. Соседские петухи начинали вялую перекличку. Под горой на заливных лугах щелкал кнутом и посвистывал пастух.

— На крыльце разуемся, чтоб не шуметь, — осторожничал Илья, стаскивая мокрые от утренней росы кеды.

В коридоре Шуня наткнулся на мешок с комбикормом. Толстяка мотнуло в сторону, он угодил пяткой в кошачью миску и, вышибая плечом хлипкую фанерную дверцу, провалился в чулан.

Из комнаты выбежала заспанная Людмила Сергеевна. На ней была сорочка до пят, в руке она сжимала увесистую чугунную сковороду.

— Что тут творится?! — вскричала бабушка.

— Извините... пожалуйста, — хватаясь за дверной косяк, поднимался Шуня.

— Вон, алкашня! Пошел вон! Илья, марш спать, а ты — на первую же электричку! Сейчас же!

Шуня стоял, разинув рот и хлопая глазами.

— Иди в сарай, — шепнул Кузьмин, — днем все решим.

Шуня неуклюже, точно медведь-шатун, пошел по коридору.

В обед, заглянув в сарай, Илья обнаружил Шуню спящим на верстаке.

Он похрапывал на расстеленной фуфайке, по-детски заложив руки под голову.

Кузьмин позвонил в рынду. Шуня вскочил и замахал руками.

— Дурак, что ли, совсем! — толстяк потер глаза и закашлялся. — До инфаркта так доведешь! — Он присел на верстак. — Ё-мое, башка трещит — не могу. Слушай, — немного помолчав, продолжил он, — бабушка твоя сильно расстроилась из-за вчерашнего?

— Ну а ты как думаешь, — сказал Илья, — прошли бы тихо, ничего бы не было. Кажется, она настроена решительно. Я так и не смог ее уломать насчет тебя.

— Чувак, мне сейчас в город никак нельзя, понимаешь? Выручай, а?

— О'кей, но при одном условии.

— Ну? — поднял глаза Шуня.

— Сейчас ты мне все рассказываешь, а уж потом будем думать, как поступить.

— Ладно. Только прошу — водички.

С Людой Шуня встречался еще со школы. Они учились в параллельных классах. Рассудительная, спокойная, она была полной его противоположностью. После школы поступила в Сельхозакадемию на ветеринара и работала волонтером в питомнике. Шуню за прогулы выгнали со второго курса. Целыми днями он околачивался на «ассамблее» и с гитарой попрошайничал в переходах. Когда их отношения оказывались на грани разрыва, Шуня завязывал пить, шастать на «аску» и устраивался на работу. Люда скрепя сердце прощала его. Спустя время он опять срывался. А она снова прощала. Любила.

Прошло время, они поженились. Сняли «однушку» в приличном районе, недалеко от центра. Люда работала в ветлечебнице, Шуня — помощником токаря на заводе «Гидромаш». Все было хорошо, пока Шуня не провалился в очередной запой. Две недели он пьянствовал у друзей в соседнем Дзержинске, а когда вернулся домой, жену не застал. Она переехала к родителям. Как ни пытался Шуня вымолить прощение, все было тщетно. Отчаявшись, он уехал во Владимир и стал послушником при монастыре. Трудился на кухне и прибирал трапезную.

Понемногу Шуня втянулся в монастырский быт, забывая о мирской жизни. Отрастил волосы и отпустил жидкую бородку, как у дьячка. Подолгу общался с монахами, пробовал читать Священное Писание. Слушал проповеди настоятеля монастыря игумена Илариона. Игумен был статный, строгий. Прихожане и служители храма относились к нему с почтением и трепетом. Бывший военный, политрук. Поговаривали даже, что он прошел Афган. Меж тем по-житейски мудрый и глубоко эрудированный. Для послушника Шунешова было неожиданностью, когда в разговоре Иларион процитировал строчки из Егора Летова.

«Это мой наставник, мой духовный учитель», — понял тогда Шуня.

Ходил за ним буквально по пятам. Сам завязывал разговор и слушал, слушал, слушал... Жадно, самозабвенно. Настоятелю храма Шуня был тоже симпатичен. Честный, вздорный и, как ребенок, наивный. Возможно, Иларион видел в нем прежнего себя. Молодого, бескомпромиссного бунтаря, воспринимающего в штыки все и вся.

Шунина книжная полка в келье обновилась сочинениями Николая Бердяева и Льва Шестова — Иларион посоветовал. Шуня пытался прочесть, правда, не осилил. Труды философов оказались для него неподъемными.

— Я даже не думал, что бывают такие священники, — однажды признался Шуня.

— Какие «такие»? — улыбаясь, погладил пышную, с легкой проседью, бороду Иларион.

— Ну, интересные, что ли. Я думал, что вы ограничены, дальше церкви своей и не видите ничего... извините.

Игумен еле сдержался, чтобы не потрепать его по волосам, точно бестолкового юнца.

— В каждом человеке, сын мой, есть целый мир. Более того, в каждом из нас есть то, что останавливает этот мир, — был ответ.

— Ну хорошо, — не унимался послушник, — а как же быть с ворами, убийцами, насильниками? В них тоже «целый мир»? Или что, ждать, когда их Бог накажет и они в ад попадут?

— Господь не наказывает, Господь милует. Люди сами себя наказывают. А те, о ком ты говоришь, не попадут ни в рай, ни в ад. Ад в них самих. Это уже не люди, это пустые оболочки. Мертвецы...

Единственной связью с внешним миром для Шуни был его сотовый телефон. Перед тем как отправиться во Владимир, он сменил сим-карту. На всякий случай оставил номер родителям, хотя был уверен, что они ни за что не позвонят. Так достал своих маму и папу непутевый отпрыск. Затем настроил послание жене.

«Любимая, я уехал переосмыслить свою жизнь. Надеюсь, что когда-нибудь ты меня простишь. С любовью, Саша».

Ниже он записал свой номер телефона. Письмо запечатал в конверт и бросил в почтовый ящик ее родителей.

И вот после четырех месяцев молчания сотовый зазвонил. Поколебавшись, Шуня с опаской взял трубку. Это была Люда. Она требовала развода.

В тот же вечер послушник сбежал из монастыря. Без труда разыскал местных неформалов. Те выслушали его историю и налили водки. Выпив залпом стакан, Шуня попросил еще. Потом он затянулся спайсом и потерялся. Пришла идея непременно вернуться в монастырь, забрать свои вещи и ехать к жене в Нижний Новгород.

— Куда ты в таком состоянии? — пытался вразумить Иларион. — Подожди до утра, и на свежую голову решишь, что тебе делать.

— Пропусти, сволочь, — кричал Шуня, — я все равно ее придушу! Эта тварь предала меня! Предала!

...Шуня прервал свой рассказ и расплакался. Кузьмин сел рядом на верстак и обнял его за плечо:

— Держись, братан. Возьми себя в руки.

— Потом мы с ним подрались, с игуменом, — утирая слезы, продолжил Шуня, — вернее, как подрались, я его бил. Он в ответ даже ни разу не ударил меня. Я ничего тогда не соображал, голову затуманило. Я сбежал, ночь потусил у нефров, а наутро один мне сказал, что меня менты разыскивают. Илариона мертвым нашли. Двенадцать ножевых. По местному каналу рожу мою показали.

— Ну и дела, — качнул головой Илья, выбил из пачки сигарету, закурил. — Это ты его?

— Да нет же! — Шуня резко встал, заходил по сараю взад-вперед. — Я просто ударил его, и все! Меня кто-то подставил.

— Кто? Кому это надо? Сам же говорил — в голове помутнело.

— Не убивал я! Не убивал! — снова разревелся Шуня, сползая на корточки.

— Да что ты ноешь-то?! — не выдержал Кузьмин. — Проблему надо как-то решать, а не слезы лить. У самого-то есть какие мысли?

— В бега, — отдышавшись, ответил Шуня, — другого выхода нет. На ноже отпечатки мои. Конечно, я ведь им на кухне работал. Опять же, драка была, после — мой побег. Короче, все против меня. Я ничего не докажу. Впяют по полной...

Шуня закурил.

— Я из Владимира на попутках добирался, с дальнобойщиками в основном, до куда подбросят. Ночевал в лесу. Потом надоело прятаться, думаю — будь что будет, поймают так поймают. Тебя вот встретил.

— В голове не укладывается, — сказал Кузя, — ты в розыске, фейс твой по ящику засвечен, а ты преспокойно на электричке доехал, а потом еще и на дискотеку поперся.

— Не знаю, — пожал плечами Шуня, — может, они фотку со скана паспорта взяли. А там я худой еще и лысый...

— Ну ты понимаешь, что рано или поздно тебя поймают. Сколько ты еще так пробегаешь?

— Да все понимаю, но что мне остается.

— Тссс, тихо ты, — Кузьмин поднял вверх указательный палец, прислушался.

Снаружи были слышны сдавленные голоса.

— Сиди тут, я пойду, гляну, кто там.

Кузьмин вышел из сарая, плотно закрыв дверь. Но через минуту вернулся:

— Все нормально, это дурачки наши, выползай.

Жмурясь от солнца, Шуня выбрался на улицу.

— Ну как вы? — протянул руку Жирик.

— Нормально, — сказал Шуня, — дай-ка закурить.

Суслик молчал в сторонке, уткнувшись в телефон.

— А ты че там приуныл? — обратился Кузьмин к Д'Артаньяну, — вчера вечером ты порезвей был.

— Я за подмогой бегал, — ответил Суслик, не отвлекаясь от телефона, — много их слишком было.

— Парни, тут такое дело, — серьезным тоном сказал Жирик, — сегодня вечером у Левы-дембеля с Шамином стрела насчет вас. Вам бы поприсутствовать.

— Ага, этого еще не хватало, — буркнул Кузьмин.

— Левыч за вас впрягся.

— Ладно, пацаны, гуляйте. Нам сейчас не до этого.

— Ну как знаете.

Жирков ушел. Суслик постоял еще минуты две, водя пальцем по экрану телефона, и отправился вслед за ним.

Кузьмин забежал в дом и быстро прошмыгнул на кухню. Бабушка мыла полы в коридоре.

— Илья, — крикнула она, звеня ведром, — иди траву скоси за баней, а то все бурьяном поросло.

— Хорошо, ба, — ответил внук, наспех сооружая бутерброды.

В зале работал телевизор. Выходя из кухни, Кузя поймал взглядом до боли знакомую картинку, остановился.

«Всем, кому что-либо известно о нахождении Шунешова Александра Андреевича, просьба сообщить по указанным ниже телефонам» — вещало «Рен ТВ».

Кузьмин выключил телевизор и направился к выходу. Но его остановила бабушка.

— Дружку, что ли, своему понес? — кивнула она на бутерброды. — Ладно, зови его в дом, что он там у тебя в сарае, как скотина, сидит.

— Он уехал, бабуль. Еще утром. Тебе показалось, наверное.

— Ну конечно, уехал он. За дуру меня держишь?

— Ну че, поздравляю, — сказал Кузьмин, зайдя в сарай, — ты теперь звезда экрана. Только что репортаж в твою честь видел, — Илья протянул пакет с бутербродами.

— Как стемнеет, — сказал Шуня, шелестя целлофаном, — на трассу и на попутках куда подальше. Только мне деньги будут нужны. Поможешь, а? Мне больше не на кого надеяться, кроме тебя.

— Ладно, придумаем что-нибудь. А пока из сарая — ни шагу. Понял?

Шуня закивал.

В огороде, свесившись через ограду, Кузьмина подманил рукой Барон. На нем были панамы и круглые солнечные очки, как у Базилио.

— Я узнал твоего друга, — чуть слышно произнес он, — но я его не выдам. Потому что всех попов под суд. И легавых тоже под суд. Но моя якобы мать, Короткова Нина Семеновна, — клон. Она, если увидит, сразу наступит легавым — клонам. Осторожней!

— Спасибо, Барон. Родина тебя не забудет.

Монарх козырнул и зашагал по заросшему травой саду, высоко поднимая колени.

К вечеру нужно было собираться.

Кузьмин отдал другу остатки своих отпускных. Вышло около четырех тысяч рублей. И опустошив бабушкин холодильник, набил рюкзак продуктами.

— Спасибо, дружище, век не забуду, — расчувствовавшись, полез обниматься Шуня.

Кузя шагнул из сарая, но тут же ввалился обратно, осторожно прикрывая дверь.

— Там на крыльце какие-то типы. С бабушкой разговаривают.

Шуню мелко затрясло.

Кузьмин приложился к дверной щели.

— Нет у нас никого! Никого у нас нет! — кричала Людмила Сергеевна. Делала она это для того, чтобы услышали ее внук и Шуня. — Не верите? Проходите и ищите, сколько вам влезет!

Четверо мужчин зашли в дом. Трое были в гражданке, а один в полицейской форме.

— Шуня, менты! Сейчас вали огородом, потом «задами» до «жэдэшки», перебежишь ее и будешь у трассы. Ну, ни пуха!

— К черту! — друзья хлопнули по рукам, и Шуня, схватив рюкзак, выскочил из сарая.

Беглец пробирался через огород гуськом. На любой посторонний шум он припадал к земле и замирал, как перепуганный домашний кот.

Наконец он добрался до металлической изгороди. Оглянувшись по сторонам, перелез. Понял, что от волнения оставил рюкзак на той стороне. Обругав себя, стал карабкаться обратно.

С рюкзаком за спиной Шуня передвигался короткими перебежками. Слева располагались дома, справа — редкий березовый перелесок, в центре — заброшенная дорога с глубокими рвами. Беглец старался держаться ближе к лесу, но и не упустить из виду проселочную дорогу, чтобы не сбиться с курса.

До железнодорожных путей оставалось всего ничего. У Шуни бешено колотилось сердце, мокрая от пота майка липла к телу. Толстяк тяжело дышал и старался сдерживать некстати накотивший кашель.

Совсем рядом затарахтел мотоцикл. Свет от фары выхватил рахитичные стволы молодого березняка. Шуня упал в траву. Ему хотелось провалиться глубоко в недра земли, чтобы все это поскорей закончилось. Виляя по неровной, ухабистой доро-

ге, мотоцикл медленно проехал мимо. Еще некоторое время Шуня лежал, не поднимая головы. Когда звук мотора стих, он поднялся и осторожно двинулся дальше.

Вскоре он увидел хорошо освещенную платформу с красной кирпичной будкой. «Еще немного, поднажми», — подбадривал он себя. До железнодорожного переезда со сломанным шлагбаумом было метров двести.

— Опаньки! На ловца и зверь бежит!

Шуня с ужасом обернулся. Это были Шамень, Лева-дембель и целая толпа разношерстного деревенского люда. Шуня рванул с места, на ходу сбрасывая рюкзак.

— Убийца! Убийца! Лови убийцу! — вопили тетки.

Шуню сбили с ног. Но него посыпался град ударов. Кто-то в резиновых сапогах нарочито метил в голову. Полная женщина схватила его за волосы и рванула на себя. Шуня взвыл от боли. Подросток лет четырнадцати пинал его по ребрам носками тяжелых ботинок. В разъяренной толпе Шуня успел заметить Суслика и Жиркова. Они тоже отчаянно дубасили его ногами.

Как только Шунешов стал терять сознание, раздалось два хлопка. Едко запахло порохом, в небо взвилось облачко дыма

— Отставить самосуд! — выкрикнул мужчина в сером пиджаке и спрятал «макарова» в кобуру.

Деревенские жители неохотно расступались.

— Расстрелять гада! Без суда и следствия! — грозя кулаком, блажил нетрезвый мужик в тельняшке.

— Угомонись, сейчас не тридцать седьмой, — кричали ему из толпы.

— Как таких только земля носит, — кудахтала кривоногая тетка рядом.

— Да сатанист, сатанист это проклятый, — вторила ей сухонькая старушка, жамкая беззубой челюстью.

Избитый, валялся посреди дороги. Рваная одежда свисала клочьями. На оголенных местах кровоточили раны. Смешанная с кровью пыль налипла на лицо, шею и руки. Полицейским с трудом удалось поднять его с земли. Когда его перехватили под мышки, Шуня страшно завыл. У него оказались сломаны ребра. Бабушки охнули и перекрестились.

Его осторожно усадили на заднее сиденье серого «хендая» и увезли. Брошенный в пыли рюкзак прихватил с собой один из местных.

Два месяца Шуня провел в больнице. Его пристегивали наручниками к металлическому поручню кровати и посменно охраняли двое полицейских.

— Видали, личная охрана как у Киркорова, — шутил в палате Шунешов.

— Что натворил-то хоть, парень? — спрашивал заросший щетиной мужик, лежащий на вытяжке с загипсованной ногой.

— Да в том-то и дело, что ничего. Просто государство наше чересчур дорожит мной. Охраняет и оберегает.

В СИЗО Шуне было уже не до смеха. В переполненной камере с матерыми уголовниками он дожидался суда. Было неизвестно, сколько он там просидит. Спал Шуня под шконкой. В первый же день с него сняли кроссовки, дав взамен растоптанные башмаки, которые к тому же оказались на два размера меньше. Ему пришлось смять задники и ходить в них как в шлепках, с голыми пятками.

Прозвали его Хряком. Он убирал парашу и мыл в хате полы. Если кого-то мучила бессонница, Шуню будили и заставляли рассказывать фильмы или читать стихи. Когда он, полусонный, начинал декламировать вяло и без выражения, его лупцевали ладонями по щекам, пока из глаз не брызгали слезы. Но жестоко его изби-

вал только один сокамерник. Самый религиозный. Гена Метис. Обвиняли его по сто шестьдесят первой статье — грабеж. Бывший боксер, он умело наносил удары только по тем местам, где не оставалось синяков. Бил по печени и почкам. Через несколько дней Шуня стал мочиться кровью. Его радовало только одно — у Метиса вот-вот должен был состояться суд. А после суда его отправят по этапу на зону, и Шуня больше никогда его не увидит.

Когда Шунешов получил от родителей единственную передачку, ее разделили между собой подследственные. Шуне перепало лишь несколько сигарет. Жена к нему не пришла ни разу.

От сырости в камере у него страшно зудела кожа. Лицо покрылось незаживающими язвами и прыщами. Он похудел и осунулся.

Сходить на допрос к следователю для Шуни было счастьем. За это время ему хоть немного удавалось отдохнуть от бесконечных унижений и побоев. У следака Шуня шел в «несознанку». Конфликт был, драка была, но не убивал.

Потом в камере завелась «наседка». Парень лет двадцати пяти. Подозрительно приветливый и непомерно болтливый. Он угощал Шуню сигаретами, чаем, печеньем. Действовал хитро. Сначала подробно рассказал о себе. О том, как они с подельником, вооружившись травматическими пистолетами, грабили пункты «быстрозаймов». А потом, будто невзначай, спрашивал Шуню о его деле. Мол, я с тобой откровенен, расскажи и ты. Шунешов твердил все то же, что и следователю. Через три дня «наседку» перевели в другую камеру.

Кузьмин все никак не решался сходить на «свиданку» к Шуне. Само здание следственного изолятора наводило на него оторопь. Несколько раз он приближался к высокому бетонному забору с кольцами колючей проволоки, смотрел на темные окна за решетками и возвращался домой.

Однажды раздался звонок на мобильный. Девушка представилась репортером газеты МК «Нижний Новгород». Спросила, давно ли они знакомы с Шунешовым, и предложила встретиться. Кузя отказался.

На следующий день, собрав другу передачку, он стоял у КПП изолятора. «Свиданку» не разрешили.

- Только близким родственникам, — отрезал усатый сержант.
- Возьмите передачку хоть, — попросил Илья.
- Не положено, — усач захлопнул забрало двери.

Шуня вышел из СИЗО спустя полгода. На суде его оправдали за недостатком улик.

Однажды осенью Кузьмин встретил его на Московском вокзале. В компании с бомжом Шуня сидел в переходе и запивал флакон «Трояра» водой из грязной пластиковой бутылки. Стоял убийственный запах нечистот. Прохожие прятали носы под шарфами или воротниками курток. На Шуне были драный пуховик и замызганные спортивные штаны с темными разводами в промежности. Отекшее, одутловатое лицо с пожелтевшим синяком на скуле повернулось в сторону Ильи. Мутные, воспаленные глаза не выражали ничего. Шуня был настолько пьян, что, кажется, не узнавал Кузьмина. Проходя мимо, Илья ускорил шаг.

Спустя время он снова повстречал Шуню. На этот раз он был одет приличней, но выглядел сильно исхудавшим, высохшим едва ли не до костей. Он не мог устоять на месте. Дергался, словно его било разрядом тока, притопывал, приплясывал, ниж-

няя челюсть дрожала, скрипели зубы. Было ясно, что он сидел на «солях» или других психостимуляторах.

— Сотыгой не выручишь? — облизнув пересохшие губы, причмокнул он. — Вот так вот надо, — Шуня провел по горлу тыльной стороной ладони. — Я тебе денег должен, но отдам, не парься.

— Пойдем, в кафеху, что ли, зайдем, расскажешь, как ты, — вздохнув, предложил Кузьмин.

— Ну ладно, — махнул рукой он, — пойдем.

Свернули с Покровской, прошли дворами и оказались у «Наливай-ки».

Там в лучших традициях советских забегаловок практиковались только стоячие места с высокими, по грудь, столами. Собирались здесь в основном пролетарии и местные «кузьмичи». Идти с Шуней в более цивильное место было бы моветоном.

От выпивки и закуски Шуня отказался, а попросил купить ему полтора литра минералки. Когда Илья принес воду, Шуня отвернул крышку и с жадностью прилип к горлышку. Напившись, он по-собачьи облизнулся и забил под столом чечетку.

Разговор не клеился. Глотая минералку, Шуня не мог внятно произнести и предложения. Сопровождался этот сумбур бесконечными усмешками и кривляньями. Кузьмин молчал. Наливал, выпивал и молчал. Общаться с ним было бесполезно. Кузьмин уже стал поглядывать в сторону выхода. А Шуня все продолжал свои шизо-наркотические откровения.

Вдруг он замолчал. На изуродованном гримасами лице мелькнуло какое-то подобие задумчивости.

— Знаешь, а ведь это я тогда его, — промямлил он, — а меня вот отпустили... Иларион дело тогда говорил. Люди себя сами наказывают. Я не живу, я труп.

Не дав Кузьмину опомниться, он схватил со стола бутылку минеральной и вышел из кафе.

Невысокий мужичок за соседним столиком подмигнул Илье и дружелюбно приподнял четверть «Путинки» над головой:

— Ну что, братюнь, как оно?

— Как? Да лучше всех.

И махнул стаканом в ответ.